

С. С. Иванова (Пермь)

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ «ZŁO»
В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ БАРБАРЫ СКАРГИ
«KWINTET METAFIZYCZNY»**

Обращаясь к осмыслению сущностной стороны мира, философ имеет дело с «предельными» основаниями мироздания [1, с. 107; 11, с. 128], такими как Бог, Абсолют, Ничто и др.

В исследованиях, посвященных стилистике философских текстов, неоднократно высказывалась мысль о затрудненности вербальной репрезентации сущностных аспектов мира. Ср.: «начала вещей не поддаются определению» [1, с. 54]; философ работает с языком, неприспособленным для метафизики [12, с. 201, 202].

И вместе с тем философия не оставляет попыток найти адекватную вербальную форму для метафизических целостностей [6]. Механизмы репрезентации метафизических целостностей мы покажем на примере текста современного польского философа Барбары Скарги (1919–2009) «Kwintet metafizyczny» [13]. Этот текст не переводился на русский язык, поэтому можно говорить о том, что наша работа в меру своих возможностей «открывает» русскоязычному читателю указанного автора. Отметим, что все цитаты даются в нашем переводе.

Предметом внимания станет механизм репрезентации абстракции *zło* (зло).

Характерно, что, приступая к описанию *zła*, философ замечает, что вполне отдает себе отчет в максимальной затрудненности или даже невозможности адекватной вербальной репрезентации данной сущности, ср.: *Zło. Tyle już o nim napisano. Cała nasza literatura pełna rozważań na jego temat i to od biblijnych czasów. Pytano o to, czym jest, jak się przejawia, gdzie się rodzi, na czym polega nasze doświadczenie zła. Żadne z tych pytań nie przyniosło rozwiązania zagadki. Do dziś filozofia, choć nie mogła i nie może się pozbyć myśli o złu, dziwnie jest wobec niego bezsilna* [13, с. 85] (Зло. О нем уже столько написано. Наша литература насыщена размышлениями на тему зла. Задают вопрос о том, что есть зло, как оно проявляется, каким образом возникает, на чем основывается наше постижение зла. Ни один из этих вопросов не нашел своего решения. До сего дня философия, хотя не могла и не может избавиться от мысли о зле, на удивление бессильна против него).

Механизм репрезентации абстракции начинается с ее заключения в знак, с создания имени для нее (номинации). Знак замещает отображаемый референт, однако последний, в силу своей идеальной, недискретной природы, недоступен человеку в рамках его эмпирического опыта (тактильного, визуального и т. д.), следовательно, невозможно оstenсивное указание на него. В случае знаков, отсылающих к недискретному миру, справедливы слова У. Эко: «не знаешь, на что и указывать» [10, с. 54]. Однако мы с уверенностью говорим о существовании отображаемой абстракции, ибо «невозможно успешно обозначить

то, что не существует» [3, с. 450]. Где же обнаруживается референт знака *zło*? В пространстве текстового (возможного) мира, созданного философом Б. Скаргой. Более того, знак и текст, включающий его в свою структуру, являются единственным способом «удержания» абстракции. Метафизическая сущность *zło* не столько отображается, сколько непосредственно конструируется средствами языка/текста.

С морфологической точки зрения лексема *zło* – имя существительное. Язык реифицирует *zło*, представляет его как субстанцию, самостоятельный «предмет» (хотя онтологически это, скорее, свойство). С логико-семантической точки зрения знак *zło* занимает промежуточное положение между именным знаком и предикатным.

В тексте знак (имя) *zło* дается одновременно с системой предикатов. Они призваны эксплицировать качества и свойства отображаемой абстракции.

В тексте «Kwintet metafizyczny» ключевым предикатом является экзистенциальный предикат, указывающий на сам факт присутствия *zła* в мире. В функции экзистенциального предиката выступает контекстуальное окружение знака абстрактного объекта. В ряде случаев этот предикат получает морфологическое выражение (глагольная форма *jest*).

Кроме того, в тексте Б. Скарги к имени *zło* приписывается предикат, эксплицирующий сходство абстракции с другой «вещью», ср.: <...> *zło nie posiada stopniowości, żadnej hierarchii, żadnych nasileń mocy, pozostaje zawsze sobą samym, jedno i to samo, lecz jednocześnie potrafi rozprysnąć się jak granat na raniące odłamki nędzy, bólu, rozpaczy, utraty złudzeń i nadziei, wreszcie śmierci* <...> [13, с. 114] (у зла нет ни градации, ни иерархии, сила его не увеличивается, оно всегда остается самим собой, единое и тождественное себе, но одновременно оно может разорваться, как граната, на раниющие осколки нищеты, боли, отчаяния, утраты иллюзий и надежды, наконец, смерти).

В данном фрагменте *zło* (зло), абстракция, описывается по аналогии с объектом физического мира (*granata*). Подобно *granacie*, разрывающейся на осколки, *zło* расплывается на отдельные свои проявления: нищету (*nędza*), боль (*ból*), отчаяние (*rozpacz*), утрату надежд и иллюзий (*utrata złudzeń i nadziei*), наконец, смерть (*śmierć*). Благодаря установлению аналогии между абстракцией и предметом дискретного мира автору удается хотя бы отчасти «визуализировать» абстракцию.

Следующий этап репрезентации абстракции *zło* – локализация. В процессе локализации абстракция «размещается» относительно текстового пространства культуры, а также внутри текста относительно знаков других абстракций. Локализация относительно текстового пространства культуры наступает благодаря интертекстуальным отсылкам (цитатам, аллюзиям).

Что касается локализации относительно знаков других абстракций, то здесь возможны различные случаи. Знак становится компонентом антонимической пары (бинарной оппозиции):

Skłonni jesteśmy traktować dobro i zło jako wzajemne negacje [13, с. 104]. (Мы склонны трактовать добро и зло как противоположности).

Члены оппозиции взаимно интерпретируют друг друга: пусть мы не знаем, что такое *zło*, но по крайней мере может говорить о том, что оно в отдельных своих аспектах является контрадикторным *dobru* (хотя, по мысли Скарги, противопоставление *dobro / zło* не является абсолютным).

Помимо этого, имя *zło* может репрезентироваться через соотнесение с именами других абстракций, причем в данном случае они не составляют антонимическую пару. Так, в тексте Б. Скарги *zło* соотносится с именами таких абстракций, как *nicość* (небытие, несуществование), *cierpienie* (страдание), *nienawiść* (ненависть) ср.: *Pytam więc: czy zło jest nicością, czy wylania się z nicości? Nie jest to dla mnie jasne* [13, с. 94] (Я задаю вопрос: является ли **зло** **небытием** или оно рождается из **небытия**?).

Наконец, *zło* может репрезентироваться само через себя, и тогда возникает «круг» репрезентаций: *Zło zawsze pozostaje po rpostu złem* [13, с. 110] (Зло всегда остается просто злом).

Механизм репрезентации знака через соотнесение его с другими или самим собой обладает рекурсивной природой, то есть система представляется через собственные фрагменты. На этом, в частности, основан процесс неограниченного (бесконечного) семиозиса (Ч. С. Пирс) – интерпретации знака через другие знаки, где нельзя выделить ни начальную, ни финальную интерпретанты. Знак, репрезентирующий метафизическую сущность, отсылает к другому знаку, в свою очередь представляющему другую метафизическую сущность, и так далее, потенциально *ad infinitum*. Представляется, что необходимость «нанизывания» синтагматических и парадигматических цепочек философских «абстракций» обусловлена неопределенностью отобра-

жаемого объекта, «незнанием того, с чем на самом деле мы имеем дело сейчас» [5, с. 165].

С семиотической точки зрения *zlo* представляет собой символический знак. Символ максимально удален от своего референта, поэтому свойство непосредственно «указывать на что-либо» для символа оказывается вторичным [8, с. 151]. Значения символических знаков не характеризуются стабильностью и строгой заданностью. По Ю. М. Лотману, «символ со своим значением находится в отношениях принципиальной неоднозначности и неполной предсказуемости» [4, с. 417]. Это обуславливает высокий уровень энтропийности (семантической неопределенности) знаков, отображающих метафизические абстракции (отсюда и философский текст в целом обладает высокой энтропийностью). Вместе с тем отображение по символическому типу проясняет саму сущность знака. Она заключается не только в том, что знак указывает на нечто, но и в том, что, отсылая к неприсутствующему, запускает процесс смыслопорождения [2, с. 162].

Закончить статью хотелось бы следующим рассуждением. Если репрезентация метафизических абстракций связана с трудностями, то, может быть, удобнее было бы устранить из философских текстов знаки метафизических целостностей? Почему все-таки философия не пошла по пути, намеченному Ф. Рамсеем и Крейгом, как раз и предлагавшими элиминировать (исключить) теоретические конструкты из научных и философских текстов (см. об этом: [9])? Ответить можно так: в случае изъятия метафизических конструктов философия перестанет быть философией. Назначение философии заключается не столько в однозначных интерпретациях абстракций, сколько в создании категориальной «сетки», структурирующей и организующей мир вокруг человека. В этом состоит когнитивная функция метафизических терминосистем.

1. Биbihин, В. В. Язык философии / В. В. Биbihин. – СПб.: Наука, 2007.

2. Бразговская, Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста) / Е. Е. Бразговская. – Пермь: ПГПУ, 2006.

3. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

4. Лотман, Ю. М. Между эмблемой и символом / Ю. М. Лотман // Лотмановский сборник. Т. 2. Сост. Е. В. Пермяков. – М.: Изд-во РГГУ. ИЦ-Гарант, 1997. – С. 416.

5. Мамардашвили, М. К., Пятигорский, Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, Пятигорский. – М.: Наука, 2010.

6. Сергеева, Е. В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе / Е. В. Сергеева. – СПб.: Наука, САГА, 2002.
7. Соломоник, А. Парадигма семиотики: Очерки по общей семиотике (с приложением словаря семиотических терминов) / А. Соломоник. – М.: ЛКИ, 2011.
8. Тарасенко, В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В. В. Тарасенко. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
9. Уемов, А. И. Нужны ли теории? / А. И. Уемов // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 62–70.
10. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998.
11. Эпштейн, М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб.: Алетейя, 2001.
12. Kołakowski, L. Jeśli Boga nie ma... Horror metaphysicus / L. Kołakowski. – Kraków: Zysk, 1999.
13. Skarga, B. Kwintet metafizyczny / B. Skarga. – Kraków: UNIVERSITAS, 2005.